

УДК 821.111

ОТОБРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА СОФИ ПОСРЕДСТВОМ ФОРМ И ПРИЕМОМ
ПСИХОЛОГИЗМА В РОМАНЕ У. СТАЙРОНА «ВЫБОР СОФИ»

А.В. ЗАХАРЕНКО

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР)

Рассматриваются особенности отображения внутреннего мира Софи посредством форм и приемов психологизма в романе американского писателя У. Стайрона «Выбор Софи» (Sophie's Choice, 1979).

Чтобы понять, почему Софи потеряла себя и стала такой, какой встретил ее Стинго, необходимо разобраться в прошлом героини. Развлечения являются всего лишь прикрытием для Софи, способом создать новую жизнь и новую личность и заполнить ее новыми воспоминаниями и новым опытом, однако прошлое забыть невозможно, оно причиняет боль и приносит множество проблем.

Причины всех этих проблем кроются в прошлом Софи, особенно в ее детстве, в отношении с отцом, затем в событиях, происходивших в концентрационном лагере. Отчасти некоторые проблемы женщины осознавала, например, с отцом: «...я же всегда делала все, что велел отец, с тех пор как была совсем маленькая, – бегала по его поручениям, приносила то, что он просил, научилась печатать на машинке и стенографировать, чтобы он мог использовать меня, когда захочет. И такая страшная пустота стала во мне, когда я поняла, что ничего не могу тут поделать, не могу сказать «нет», просто невозможно сказать: «Папа, я не стану помогать и разносить эту штуку»¹ [2, с. 341]. Героиня сама рассказывает о своих взаимоотношениях с отцом, соответственно, для самоанализа используется повествование от первого лица. Софи через беседы со Стинго поняла, что всегда подчинялась отцу, выполняла любые его прихоти, даже если это противоречило ее взглядам. Ей не хватало смелости пойти наперекор его желаниям, просто отказать, такие мысли вызывали страх в душе Софи. Однажды она призналась: «Мне наконец стало ясно, что этот человек, мой отец, этот мужчина, который дал мне плоть и дыхание, ничего не чувствует ко мне – я для него только служанка, вроде крестьянки или рабыни, и сейчас он даже не поблагодарил меня за всю мою работу и хочет, чтобы я... низко кланяться? – да, низко кланялась по коридорам университета»² [2, с. 341]. Профессор Беганский не любил дочь, часто унижал и оскорблял ее, никогда не считался с мнением Софи и ее интересами, главное для отца – чтобы дочка беспрекословно о подчинялась его приказам. Чтобы сделать повествование более приближенным к реальности, автор опять прибегает к самоанализу героини. От первого лица Софи исходя из поведения отца, его отношения к дочери приходит к выводу, что для профессора девушка всего лишь исполнитель его приказов.

Однако, одним из самых больших потрясений для Софии – потеря детей. В тот злополучный вечер, когда женщину с детьми вывели на платформу и доктор, как назвал его автор, Йеманд фон Ниманд заставил сделать выбор: «Она не могла этому поверить. Она просто не могла поверить, что стоит, не чувствуя боли, обдирая колени, на бетонной платформе, так крепко прижав к себе детей, что казалось, их плоть должна вращаться в ее плоть, несмотря на разделяющую их одежду. Она не верила – никак не могла поверить, словно лишилась рассудка»³ [2, с. 665]. Повествователь описывает не только психологическое состояние героини, но и ее ощущения. Отображение деталей, которые в обычной ситуации заставляют человека испытывать физическую боль, помогает понять глубину душевного переживания Софи, что для нее нет ничего более страшного, чем потерять детей. Этот случай Стинго пересказывает сам, соответственно, целесообразно говорить о повествовании от третьего лица. Описание поведения героини относится к форме косвенного психологизма, так как читатель вынужден самостоятельно вычленить эмоции Софи, однако рассказчик упоминает чувство потрясения, что указывает на прямую форму. Но далее упоминания о развитии состоянии не упоминается, а из этого следует, что автор использовал суммарно-обозначающую форму психологизма.

¹ ...I done everything he told me to do since I was a little girl, running these errands, bringing him things, learning to use the typewriter and knowing shorthand just so he could use me whenever he wanted. And this terrible emptiness come over me when I realize just then there was nothing I could do about it, no way of saying no, no way possible to say, 'Papa, I'm not going to help you spread this thing.' [1, p. 172].

² It was at last coming clear to me that this man, this father, this man which give me breath and flesh have no more feeling for me than a servant, some peasant or slave, and now with not a word of thanks for all my work was going to make me... grovel? [1, p. 172].

³ She could not believe any of this. She could not believe that she was now kneeling on the hurtful, abrading concrete, drawing her children toward her so smotheringly tight that she felt that their flesh might be engrafted to hers even through layers of clothes. Her disbelief was total, deranged [1, p. 330].

С наступлением войны Софи чувствовала приближение беды: «На меня так сильно подействовали слова Ванды, что я не могла с собой совладать и – хотя понимала, что не надо этого делать, а все-таки сделала – разбудила Яна и Еву, взяла их обоих на руки, прижала к себе»⁴ [2, с. 654]. Матери казалось, что они вот-вот расстанутся, поэтому ничего не могло остановить женщину: «Они были такие тяжелые – они ведь еще не проснулись, и хныкали, и что-то шептали, – а мне они почему-то казались легкими, наверно потому, что такое сильное у меня было желание держать их обоих. И еще потому, что во мне было столько много страха, столько отчаяния от слов Ванды про будущее: я ведь понимала, что она сказала правду, но что я могла поделать против чего-то такого чудовищного, такого огромного...»⁵ [2, с. 654]. В тот момент Софи думала, что судьба детей в ее руках, однако она не могла здраво мыслить, так как была напугана, и все вокруг казалось безнадежным. Единственным выходом, который виделся женщине была смерть: «Помню, я открыла окно... Я сказать тебе не могу, как близко я была тогда к тому, чтобы выброситься вместе с детьми в черноту – и сколько много раз потом я проклিনала себе за то, что это не сделала»⁶ [2, с. 654], однако Софи не хватило храбрости в тот момент покончить жизнь самоубийством и убить детей самой. Героиня делится со Стинго своими самыми сокровенными мыслями, при это рассказывает не только, как себя вела в тот момент, но и объясняет причины своих поступков, соответственно, можно говорить о самоанализе от первого лица. При этом автор в английском тексте сохраняет особенности речи героини, структура предложений схожа с потоком речи, используется инверсия: «*So heavy they both were...*», чтобы усилить восприятие предложения, также вставляются паузы. Так как героиня приводит мотивы поступков, и прямо описывает свои ощущения, читателю не нужно самостоятельно делать анализ, соответственно, используется прямая форма психологизма.

После этого случая Софи больше никогда не покидало чувство вины: «*И вот для меня одна вещь остается тайной. И эта тайна такая: я же все это знаю, и я знаю, что нацисты меня тоже, как всех остальных, превратили в большое животное, – почему же я чувствую такую вину за то, что я делала в лагере. Просто за то, что осталась жива. От этой вины я никак не могу избавиться, да, думаю, и никогда не избавлюсь*». Помолчав немного Софи продолжила свой рассказ: «*Это, наверно, потому... – Она умолкла, не сумев додумать мысль до конца, а когда снова заговорила, я услышал, как дрогнул ее голос – скорее всего от усталости: – Я знаю, я никогда от этого не избавлюсь. Никогда. И потому, что я никогда от этого не избавлюсь, это, может быть, самое плохое, с чем немцы оставили меня жить*»⁷ [2, с. 396]. Софи рассказывает о том, после военных событий она не может смириться с тем, что осталось жива, а ее детей больше нет в живых. Всю ее оставшуюся жизни, героиню мучает чувство вины, однако создается впечатление, что голосом Софи говорят многие жертвы военных действий. Война превращает, меняет природу людей, калечит душу и самым суровым наказанием становится жизнь с этой мыслью. В данном случае автор использовал прием самоанализа, при этом постарался изобразить речь Софи, сохраняя своеобразную манеру говорить. Также он отмечает паузы, ее реакции на свои слова, повторения некоторых слов и фраз.

Однако не только потеря детей, но и сама жизнь в лагере нанесла непоправимый вред личности героини. Здесь она потеряла веру в бога, в будущее и веру в саму себя, ее лишили гордости, самоуважения и силы духа. Анализируя рассказы Софи, Стинго пишет: «*Но в Аушвице ... она была жертвой ... и одновременно сообщницей, соучастницей – пусть случайной, и не прямой, и не планировавшей для себя такой участи – в массовых убийствах, тошнотворный дымный след которых ... она видела всякий раз, как смотрела вдаль ... из мансардных окон дома своего порабощателя Рудольфа Хесса. И в этом одна из главных ... причин того чувства вины, которое разведало ее, – чувства вины, которое она скрывала от Натана и которое, понятия не имея о его природе или существовании, он так часто и жестоко в ней разжигал. А дело в том, что Софи не могла высвободиться из-под удушающего бремени того, что в ее жизни был период, когда она играла роль соучастницы в преступлении. Роль человека одержимого*

⁴ I was so overcome by what Wanda had said that I did something that I knew I shouldn't do even as I was doing it – waking Jan and Eva and taking them both up in my arms next to me [1, p. 325].

⁵ So heavy they both were, waking and moaning and whispering, yet strangely light, I guess, because of my frantic desire to hold them both in my arms. And being filled with terror and despair over Wanda's words about the future, knowing the truth of her words and not being able to deal with anything so monstrous, so immense... [1, p. 325].

⁶ I remember I opened the window ... I can't tell you how close I came to hurling myself with my children out into that darkness just then – or how many times since then I've cursed myself for not doing it [1, p. 325].

⁷ «So there is one thing that is still a mystery to me. And that is why, since I know all this and I know the Nazis turned me into a sick animal like all the rest, I should feel so much guilt over all the things I done there. And over just being alive. This guilt is something I cannot get rid of and I think I never will». She paused again, and then said, «I suppose it's because...» But she hesitated, failing to round out her thought, and I heard a quaver in her voice – perhaps more because of exhaustion now than anything else – when she said, «I know I will never get rid of it. Never. And because I never get rid of it, maybe that's the worst thing the Germans left me with» [1, p. 198–199].

и отравленного антисемитизмом – страстной, рьяной ненавистницы евреев, туло заклиненной на этой мысли»⁸ [1, с. 302]. Стинго упоминает, что Софи повезло, что она попала не в сам лагерь, а в дом к Хессу, там условия жизни были получше. Но при этом ее дети и друзья оставались по ту сторону и терпели лишения. Еще одним основанием для вины было то, что Софи пользовалась всеми средствами для того, чтобы спасти сына. Дошло до того, что женщина готова была принять идеологию нацистов, и именно поэтому она чувствовала себя соучастницей. Повествователь выражает внутреннее переживание героини через прием психологического анализа в форме размышлений о вине женщины. Он детально описывает, почему Софи считает себя провинившейся и в чем. Однако повествователь раскрывает всю информацию и читателю не остается ничего, что бы можно было истолковать, соответственно можно говорить о прямой форме психологизма.

Однажды Ванда упомянула про программу «Lebensborn» и Софи, загоревшись этой идеей, начала продумывать план действий, чтобы убедить Хесса отправить Яна в Германию с помощью этой программы. Сначала героине требовалось привлечь его внимание, поэтому однажды, набравшись смелости Софи помогла коменданту составить письмо и усилия не прошли даром: «Софи зарделась от удовлетворения, даже удовольствия. Она почувствовала, что барьер, стоявший между ними на протяжении долгих часов, когда Хесс держался с ней по-деловому, с железным безразличием и диктовал с ледяным равнодушием автомата, дал трещину, пусть совсем незначительную. Только раз – накануне и то на краткий миг – он опустил этот барьер. Софи не могла бы сказать наверняка, но ей даже показалось, что она почувствовала сейчас теплый оттенок в его голосе, словно он вдруг обратился к ней, к определенному человеческому существу, а не к работнице-рабыне ...»⁹ [2, с. 309]. Софи была горда тем, что ей удалось хоть немного продвинуться в своем стремлении, ведь это означало, что она могла двигаться дальше. Повествователь указывает нам эмоции героини и ее восприятие ситуации, способность чувствовать человека. В данном случае автор снова использует прямую форму психологизма, так как прорисовывается много деталей для описания отношения Хесса к героине. Для изображения данной ситуации автор прибегает к приему психологического анализа, где Стинго выступает в качестве всезнающего автора, так как повествователю удастся отследить не только чувства и эмоции, но и их причины.

Также иногда автор использовал косвенную форму внутреннего монолога: «Божественный хор, донесшийся до Софи ..., преисполнил ее таким изумлением и восторгом, что она, трепеща и словно воздавая дань прекрасной музыке, невольно поднялась со своего стула за машинкой. Что, черт подери, случилось? Какой дурак или псих поставил эту пластинку? Или, может быть, Гедвига Хесс внезапно сошла с ума? Софи не знала, да это было и неважно...»¹⁰ [62, с. 320]. Здесь мысли Софи вклиниваются в канву повествования и сама речь как бы пересказывается рассказчиком, таким образом используется рассказ от третьего лица и несобственно-прямая речь. Также вначале автор изображает поведение героини, когда та услышала музыку, но при этом косвенная форма внутреннего монолога позволяет продолжить повествование, не нарушая нить повествования.

После войны Софи долго не принимала свое прошлое и свою новую личность и только беседы со Стинго помогли осознать, что с ней сотворила война: «И все же... все же, понимаешь, Язвинка, я не могла не признаться себе кое в чем. Дело в том, что меня будто завораживало то невысказанное, что делали с евреями. Я не могу точно назвать, какое это было чувство. Не удовольствие – совсем нет. Наоборот – что-то такое болезненное. Вот я иду мимо гетто, остановлюсь вдалеке и, точно зачарованная, смотрю, как сгоняют евреев. И я вдруг поняла, почему это меня так захватывает, и была потрясена. Я чуть не задохнулась от такой мысли. А дело в том, что я вдруг поняла: пока немцы будут с такой невероятной – поистине сверхчеловеческой – энергией уничтожать евреев, я в безопасности. Нет, не

⁸ But the fact of the matter is that at Auschwitz ... she had been a victim ... and accomplice, accessory – however haphazard and ambiguous and uncalculating her design – to the mass slaughter whose ... she peered out ... from the windows of the mansard roof of the house of her captor, Rudolf Höss. And therein lay one ... of the prime causes of her devastating guilt – the guilt she concealed from Nathan and which, with no inkling of its nature or its actuality, he so often cruelly inflamed. For she could not wriggle out from beneath the suffocating knowledge that there had been this time in her life when she had played out the role, to its limit, of a fellow conspirator in crime. And this was the role of an obsessed and poisonous anti-Semite – a passionate, avid, tediously single-minded hater of Jews [1, p. 154].

⁹ Sophie felt a glow of satisfaction, almost pleasure, at this last remark. She sensed a barrier being breached, ever so slightly, between them after so many hours in which his manner had been metallically impersonal, businesslike, the dictation delivered with the gelid unconcern of an automaton. Only once so far – and that briefly the day before – had he let down that barrier. She could not be sure, but she even though she detected a trace of warmth in his voice now as if he were suddenly speaking to her, an identifiable human being, rather than to a slave laborer... [1, p. 158].

¹⁰ The Elysian chorus, thrusting itself up ..., stabbed her with such astonished exaltation that she rose spontaneously from her seat at the typewriter, as if in homage, faintly trembling. What on earth had happened? What fool or freak had put that record on the machine? Or might it have been only Hedwig Höss herself, gone suddenly mad? Sophie didn't know... [1, p. 162].

то чтобы в полной, а все же – в безопасности. Хоть и плохи были наши дела, по сравнению с этими затравленными, беспомощными евреями мы были... о, в такой безопасности»¹¹ [62, с. 641]. Сама эта мысль долгое время пугала Софи, она считала это чем-то болезненным, ненормальным, однако женщина признала, что эти мысли – последствие того, что выпадает на человеческую долю в концентрационных лагерях. В обстоятельствах голода, лишений и страданий гуманность стирается, человек думает, как ему лучше выжить. То же самое происходит и с Софи, ей повезло в плане условий и в том, что за счет смерти других людей остается в живых. В данном самоанализе повествование ведется от первого лица, повествователь сохраняет речь персонажа, повторы и паузы, обрывает фразы, что создает эффект недосказанности и, таким образом, письменная речь приобретает признаки устной. Героиня делится своими рассуждениями, разъясняет причины и мотивы ее мыслей, тем самым добавляя правдоподобия роману.

У. Стайрон изобразил жизнь Софи в концентрационном лагере, а также ее жизнь до войны. Для выражения чувства героини и ее эмоций автор использует психологический анализ, как прямую, так и косвенную форму. Чтобы Софи могла принять правду, она рассказывает Стинго о трудностях в отношениях с отцом, о бедах в лагере, и о том, что ей пришлось пережить, чтобы попытаться вернуть сына, при этом данные истории даются с помощью самоанализа. Использование внутреннего монолога позволяет дополнить образ, отражая напрямую ее эмоции.

Таким образом, Уильяму Стайрону в романе «Выбор Софи» удалось создать реалистичный и глубокий образ героини. Основная задача Софи стереть все те страшные события, пережитые во время войны, так как они мешают ей жить, и лучшее средство – ложь. Неправда скрывается не только от других людей, но и от самих себя, это своеобразный защитный механизм, чтобы начать жить заново. Но чувство вины не покидает Софи, оно уничтожает ее изнутри, поэтому Стинго служит исповедником для героини, чтобы очистить душу и спокойно уйти в мир иной. Чтобы создать образ наиболее полный и приближенный к реальности У. Стайрон использует косвенные и прямые формы психологизма, а также их сочетание – суммарно-обозначающая форма. Это позволяет рассмотреть фигуру Софи со всех сторон, так как затрагивается не только ее мысли и душевные переживания, но и поведение, ее жизнь, поступки, игры воображения и сны. Что касается приемов, то основными в отображении героини через психологизм являются психологический анализ и самоанализ. К последнему автор прибегает, чтобы добавить действительности к повествованию, так как на своем опыте Стайрон не испытывал на себе лишения войны. Через образ Софи и ее ощущения, эмоции и переживания сделать проще, но, чтобы попустить это сильное потрясение через себя и дать читателю прочувствовать ситуацию, используется психологический анализ. Он позволяет подготовить читателя к восприятию образа, а также раскрывает мотивы поступков. К остальным приемам относятся прием умолчания и формы внутреннего монолога. Последний помогает напрямую отражать мысли Софи, сохраняя особенности мышления и логики, второй же прием требует от читателя подготовки, чтобы распознать причины чувств. Поэтому он используется редко, иногда для того, чтобы выразить замешательство повествователя или для того, чтобы читатель задумался над ситуацией, посмотрев на смену чувств. С помощью объединения различных форм и приемов психологизма У. Стайрону удалось воссоздать реалистичного и глубокого персонажа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Styron, W. *Sophie's Choice* / W. Styron. – New York : OPEN ROAD, 2010. – 361 p.
2. Стайрон, У. *Выбор Софи* / У. Стайрон : пер. Т. Кудрявцева. – СПб. : Радуга, 1993. – 704 с.

¹¹ And yet... and yet, you know, Stingo, I had to admit something else to myself. And this was that I was fascinated by this unbelievable thing that was happening to the Jews. I couldn't put my finger on it, this feeling. It was not at all pleasure. It was the opposite, if anything – sickening. And yet when I'd walk past the ghetto at a distance I would stop and really be entranced by certain sights, by seeing them rounding up the Jews. And I knew then the reason for this fascination, and it stunned me. I could barely breathe with the knowledge. It was just that I suddenly knew that as long as the Germans could use up all this incredible energy destroying the Jews – superhuman energy, really – I was safe. No, not really safe, but safer [1, p. 318–319].